

Ерофеева Ирина Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью, Забайкальский государственный университет, 672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30, e-mail: irina-jour@yandex.ru

Irina V. Erofeeva

DPhil. in Philology, Professor, Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya st., 672039, Chita, Russian Federation, e-mail: irina-jour@yandex.ru

---

СМЕРТЬ КАК ТЕРМИНАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. В статье представлен лингвокультурологический анализ конструкта «смерть» в концептосфере современного медиатекста. Сформулирована актуальность проблемы в контексте психологии массовой коммуникации, обусловленная физиологией потребителя и спецификой современных рыночных СМИ. Указаны причины популярности данной медиатопики в журналистике и рекламе. Дана этимологическая характеристика исследуемого концепта, обозначена тесная взаимосвязь бинарной оппозиции: смерть — жизнь. На основе анализа более 200 текстов российских газет и основных телеканалов выявлена вариативность объективации концептуальной сферы, проявляющая себя как в исконной интерпретации, так и в трансформации терминальных концептов. Медиатекст, включающий конструкт «смерть», есть интенсивная работа автора и потребителя со смыслами. Терминальная аргументация языковой личности актуализирует вытесненные, либо замещенные значимые мотивы ценностно-нормативного ядра культуры России.

Репрезентация концепта в доминирующих потоках современных российских СМИ подчеркивает основные смыслы национальной модели мира: катастрофичность мировосприятия и мышления в категориях лиминального дискурса — ритуала перехода и осознания ценности жизни. Лиминальное сознание, как некий культурный код дихотомичной России, дает мощный творческий потенциал создателю медиатекста, способствует обогащению духовного опыта. Тематика смерти становится точкой отсчета в рассказе о жизни человека, медиагерои оцениваются сквозь парадигму «жизнь-смерть», в рамках которой резко обостряется борьба добра и зла, возникает насущная необходимость ответа на смыслопорождающие вопросы бытия человека. Любая иная интерпретация исследуемого конструкта не позволяет автору достичь поставленной корпоративной цели и делает медиатекст неэффективным.

Ключевые слова. Концепт «смерть», медиатекст, терминальные ценности, репрезентация, национальная модель мира, лиминальный дискурс.

Информация о статье. Дата поступления 14 января 2017 г.; дата принятия к печати 23 января 2017 г.; дата онлайн-размещения 31 января 2017 г.

DEATH AS TERMINAL ARGUMENTATION OF THE MODERN MEDIA TEXT

Abstract. The study provides linguoculturological analysis of the construct DEATH in the conceptual sphere of the modern media text. Urgency of the issue is presented in the context of mass communication psychology determined by consumer's physiology and specificity of the modern market mass media. The reasons for popularity of such a media topic in journalism and advertising are given. The author characterizes the concept etymologically and indicates a close interconnection between war and peace in a binary opposition. The study analyzes more than two hundred texts from the Russian newspapers and TV channels and reveals variability in objectivation of the conceptual sphere coming out both in aboriginal interpretation and transformation of terminal concepts. A media text including the construct DEATH is an intensive author's and consumer's work with meanings. Terminal argumentation of a linguistic personality actualizes displaced or replaced meaningful motives of value and normative Russia's cultural core.

Representation of the concept in the dominating current Russian mass media includes the basic meanings of the national model of peace: catastrophe of the worldview and thinking in categories of liminal discourse — a ritual of transformation and understanding the value of life. Liminal consciousness as a cultural code of dichotomous Russia provides a media text author with a powerful creative potential and enriches spiritual experience. The theme of death is an anchoring point in stories about human life, media heroes are assessed through the paradigm of «life and war» within the bounds of which the fight between good and evil escalates and an urgent need to answer the meaning-forming questions of human existence arises. Any other interpretation of the construct studied does not allow the author to reach a given corporative goal and makes the media text inefficient.

Keywords. The concept DEATH, media text, terminal values, representation, national model of peace, liminal discourse.

Article info. Received January 14, 2017; accepted January 23, 2017; available online January 31, 2017.

ВВЕДЕНИЕ

Тематика смерти — одна из самых популярных в современных СМИ. Прагматика жизни информационного общества демонстрирует диктат индивидуалистической психологии, ориентированной на публичный успех. Обозначенная Ницше смерть Бога стала деструктивным началом различных проявлений смерти, постепенно священное таинство сублимировало в обычный факт информационного пространства. Рыночные СМИ тяготеют к яркому и интенсивному воплощению теории «черных зеркал». Негатив и отри-

цание в противовес позитивному и созидательному, смерть как антоним жизни, тьма и зло в противовес солнцу, свету и добру — основные «смысловые крючки» медийного «черного квадрата», позволяющие привлечь и удержать внимание аудитории. В обществе потребления отрицание бытия — обычный формат активного диалога с читателем, слушателем, зрителем в режиме «притяжения — вовлечения» и «беспокойства — драйва». Подобная психологическая аргументация является терминальной по сути, так как развивается повествование медиатекста

на грани ключевых парадигм: жизнь-смерть, добро-зло, любовь — ненависть, благополучие-катастрофа. Выход в публичную сферу юнговской Тени, — запретных желаний и влечений, возбуждает неподдельный аудиторный интерес.

Тема насилия и смерти закрепились в целом в постмодернистской культуре СМИ, в кинематографе и шоу-бизнесе. «Порнография смерти» (Г. Горер) встроена в идею самоутверждения в роковой культуре: «Может яды выпьешь дважды, мне уже не важно» (Мумий Тролль), «В комнате искусственного лета Мы лежим на кафельном столе. И в лучах искусственного света Раны застывают, как желе» (группа «Ногу свело»), «Но волноваться нет причин: мы все умрем, ты не один» (группа «Ленинград»). Эта же тематика активно представлена в кинематографе, обеспечивает рейтинг популярных жанров: слэшер, ужасы, триллеры, фэнтези. «Пила», «Крик», «Пятница 13», «Хостел», «Сумерки» — далеко неполный список фильмов, транслируемых СМИ.

В рекламном тексте тема смерти используется как прием противопоставления — «до» и «после». Образ несовершенного и умирающего тела, подверженного артриту, пародонту, себорее, морщинам, целлюлиту, раку печени, легких и т.д., в социальной рекламе делает очевидным отказ от вредных привычек, в коммерческой — подчеркивает необходимость покупки товара. Так, агентство «Jung von Maff/Alster» опубликовало рекламный ролик для «Mercedes-Benz», повествующий о возможности обмануть смерть. Зрителю предлагают увлекательный показ безопасности этой марки машины при любых экстремальных и дорожных условиях. Красивая заснеженная трасса, за рулем импо-

зантный молодой человек, внезапно обнаруживающий рядом на сидении смерть с косой. Вопреки традиционным сюжетам фильмов ужасов, концовка благожелательна — тормоза «Mercedes-Benz» не подвели.

Эстетизация Танатос — черта современного рекламного бизнеса. Еще одно агентство «Tabasco» из Таллинна выпустило рекламу торговой сетки спортивных и повседневных товаров «Rademar». В центре текста ступня, с которой снимают кожу, обнажая кроссовки данной марки. Отказываясь от своей плоти, человек открывает в себе спортсмена.

Журналистика, будучи зеркалом нашей жизни, в рейтинговом ракурсе многократно проявляет пугающую медиатопику. В России работают ряд СМИ, информационная политика которых выстраивается на конструктах страх и насилие: телеканал НТВ, печатные издания «Дело №», «Криминальный курьер», «Криминал», «Вне закона» и др. Образы смерти являются распространенными в новостной и расследовательской журналистике, повествующей о криминале, терроризме и войнах на Юго-Востоке Украины, Сирии, Ираке и т.д.

Представленные в большом объеме подобные медиатексты переписывают образ реальной смерти, уничтожают святое таинство, рождается симулякр — смерть является в ярком эффектном камуфляже, она эстетизируется, переходит в игровую форму жизни и некую условность.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи стал лингвокультурологический анализ конструкта «смерть» в современном медиатексте, под которым мы подразумеваем когнитивное пространство репрезентации национальной модели мира языковой личности автора. В свою очередь языковая

личность, в контексте когнитивной лингвистики, представляет собой не только совокупность особенностей вербального поведения, но и базовый культурный прототип носителя языка, обладающий определенной системой духовных ценностей, зафиксированных в языке и обусловленных ментальными представлениями конкретной национальной общности. Эмпирическую базу исследования составили более 200 текстов журналистского и рекламного форматов российских газет 2014–2016 гг. («Российская газета», «Аргументы и Факты», «Эффект», «Комсомольская правда», «Взгляд», «Известия», «Вечорка», «Эффект», «Забайкальский рабочий») и телеканалов («Первый канал», «Россия 1», «Россия 24», «НТВ», «РЕН-ТВ»).

3. Фрейд полагал, что инстинкт смерти является определяющим мотивом в поведении людей. Изначально страх смерти им интерпретировался лишь как следствие развития либидо, например, обостренной тревожности разлуки с любимым. Впоследствии ученый утверждал, что инстинкт смерти живет в человеке с самого начала до последней, финишной точки его существования, и он требует своего удовлетворения вне зависимости от направления разрушительного воздействия — по отношению к объектам внешнего мира или против самого организма человека [28].

В рамках классического психоанализа агрессивность есть не просто реакция на раздражение, это импульс, обусловленный природой Homo Sapiens. Поэтому войны неизбежны, более того, враждебность благотворна для человека, утверждал Фрейд, и отказал Эйнштейну в просьбе подписать обращение ученых, протестующих против начинающейся войны. У. Мак-Дугалл сре-

ди 18 основных инстинктов выделил инстинкт драчливости, связанный с необходимой эмоцией гнева, Homo Sapiens нуждается в ситуациях, позволяющих не только удовлетворить инстинктивное начало, но и установить через страх, насилие и агрессию чувство общности в социуме. В XX в. в политических коммуникациях и в теории информационно-психологической войны появилась аргументированная технология «управляемой ненависти», именно реализация подобной техники в течение 20 лет на Украине породила маниакальное русофобство.

Представитель гуманистического психоанализа Э. Фромм писал, что в психике каждого человека существуют два стремления: любовь к жизни (Эрос) и любовь к смерти (Танатос) [29]. Каждый из нас обладает свободой выбора. Можно стать биофилом, творящим жизнь, или некрофилом, уничтожающим ее. Испытывая страсть к разрушению, некрофил разрушает и свое «Я». «Его влекут к себе тьма и бездна», — пишет Э. Фромм [21, с. 13]. Некрофил с удовольствием обсуждает различные аспекты убийств и других смертей, он с интересом просматривает картинки с изображением трупов и сцен насилия, с течением времени у него формируется иная система представлений, в которой кровь не более чем «клюквенный сок».

Повтор деструктивных картинок снижает порог чувствительности человека, возникает потребность в более сильных возбудителях. Указанный эффект особенно проявляется когда агрессия демонстрируется в комедийном аспекте: юмористические передачи и фильмы, мультфильмы. В эпоху постмодерна популярно визуальное творчество, объединяющее улыбку и ценностную амбивалентность: фотографии, карикату-

ры, картины и др. На европейской выставке весной 2015 г. польские художники представили Холокост в юмористическом виде. Например, изобразили узников, которые играют в пятнашки перед тем, как пойти в газовую камеру. Французский еженедельник «Шарли Эбдо» (Charlie Hebdo) специализируется на подобных карикатурах шокового характера (утонувший ребенок беженца, теракт в московском метро, война на Донбассе и др.).

Горячая смесь юмора и смерти свойственна и рекламе. Чтобы подчеркнуть сильный эффект свежести жевательной резинки «Dentyne», используется шоковая картинка — у жующего резинку юноши голова превращается в кусок льда, что пугает его девушку и водителя такси. Неуместная ирония используется и в журналистике¹: *Все шло своим чередом. На Донбассе по-прежнему, постреливая друг в друга, играли в перемирие*². Просторечия, жаргонизмы и инвективная лексика усиливает юмористический эффект: *«А вот источники из Херсонской области утверждают, что на самом деле крымские татары и «правосеки» перепились, после чего начали банально шмалять друг в друга из огнестрела. И в завязавшейся перестрелке Тикунова попросту пристрелили»*³; *Грозит ли «майдан» Улетовскому району?»*⁴.

Э. Фромм, несмотря на то, что был последователем психоанализа, возражал З. Фрейду. Инстинкт смерти не может быть определяющим мотивом в поведении людей. «Врожденное стремление всех жи-

вых существ — тяга к жизни, — писал Фромм, — интенсивное побуждение сохранить свое существование» [21, с. 12], свое человеческое лицо. Именно поэтому воспитание некрофилов институтом СМИ противоречит духовно-биологической сущности человека.

ТЕМА СМЕРТИ КРАЙНЕ ВАЖНА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИИ

Осознание конечности существования человека сродни катарсису коллективного бытия, оно обостряет национальную идентификацию. Безвозвратная потеря индивидуальности способствует отрыву от бессмысленного самолюбования и рождению нового видения смерти и одновременно прогрессу цивилизаций. А. В. Демичев отмечает: «Культура первых цивилизаций просыпается с новым видом на смерть. Собственно новое, радикально новое отношение к покойнику, а через него — к смерти вообще и порождает цивилизационно-культурный процесс в том виде, в котором его сегодня можно застать и охватить историко-аналитическим взором» [8, с. 36].

Архетипические мотивы смерти фиксируются в национальном бессознательном человека, вынужденного существовать в эмпирической наглядности пространства и времени (ср.: ст.-слав. «съмръть», «мѣра» — «смена мерности»). Создатель теории архетипов К. Г. Юнг видел в сексуальности доминирующую силу первой половины жизни человека, а биологическое дряхление и ожидание смерти воспринимал как основу второй половины [31]. Представители естественно-научного направления в танатологии утверждают, что мы храним «функциональные матрицы, содержащие память о подлинном соприкосновении со смертью» [5].

¹ Контент-анализ осуществлён совместно со студенткой 4 курса направления «Журналистика» ЗабГУ Исаевой Алиёй.

² Вечорка. 2015. № 30. С. 5.

³ Эффект. 2016. № 6. С. 15.

⁴ Вечорка. 2015. № 43. С. 3.

Концептуальная сфера смерти достаточно объемна, структурирует всю полноту повседневно-экзистенциального сознания человека и демонстрирует универсальную бинарную оппозицию: *смерть — жизнь*. Данная парадигма — ключевая для любой культуры, ведь для того, чтобы осознать духовное бытие, необходимо пробудить мысль о конечности своего физического существования.

Особое значение указанная дихотомия имеет в общеславянской культурной традиции. На Руси смерть всегда воспринималась как некое таинство, непостижимое в этом мире. В отличие от Европы, которая всегда испытывала высокий и чистый ужас перед смертью, русичи, будучи православными, не боялись ее. Покой и лиризм окружали данную тематику в поэзии российских классицистов и романтиков, верящих в спасение души и в перспективу настоящей Жизни за пределами грешного мира («Для Бога все живы»). Русские пословицы и поговорки оптимистично утверждали: Умирать — не лапти ковырять: лег под образа и выпучил глаза, и дело с концом; Живи — почесывайся, умрешь — свербеть не станет; Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли; Избу крой, песни пой, а шесть досок паси. Спокойное отношение к смерти породило миф об уникальной фанатичности русских революционеров, которые с легкостью шли на эшафот. Смерть служителями утопий, идейными мечтателями романтизировалась.

Отличительность русской ментальности кроется в катастрофичности мировосприятия и особенной мыслительной парадигме в категориях глобальных ценностях [17, с. 37]. Душа России простирается между Востоком и Западом, ее социокод

пограничен по своей сути, она пребывает в вечном ритуале перехода, поэтому способна менять свой статус, быть дихотомичной, полярной и разной в своей социокультурной динамике. Лиминальность (от англ. «liminality», от лат. «līmen» — порог, пороговая величина⁵) — удел России, предпочитающей бесконечные поиски истинности бытия в двойственном мире греха и святости, добра и зла, святого и скверного, верхнего и дольного. Проблема совести, драма вины, культ страдания — главный нерв российской души, это стихия народа — «странника и солдата» (Г. Гачев), выбирающего глобальное религиозное существование и жизнь за пределами этой. Наше отечественное бытие раскрывает последовательную лиминализацию сознания, имеющего целью достижения трансцендентального единства личности с универсумом [16]. «Именно потенциал перманентно лиминального маргинализованного опыта, — замечает Г. Л. Тульчинский, — определяет не только нерациональность, неопределенность, амбивалентность, но и неизбывный мощный творческий потенциал российского духовного опыта и дискурса» [17, с. 18].

А. С. Пушкин называл жизнь в России «хороводом живых и мертвых». В отечественной модели мира концепты жизнь и смерть неразрывно связаны друг с другом, в нашем языке есть много выражений с использованием этих слов: не на жизнь, а на смерть, вопрос жизни и смерти, играть жизнью и смертью. Смерть есть одновременно феномен культуры и нашей мысли, поскольку,

⁵ Термин «ламинальность» впервые употребил в 1908 г. в работе «Rites de Passage» фр. позитивист антрополог Арнольд ван Генеп, в значении «переходное состояние между двумя стадиями развития человека или сообщества».

убеждает А. В. Демичев, встреча со смертью «происходит на уровне знака, мысли или размышления», философ в своей работе «Гармония жизни и смерти» показал разную степень гармоничности или дисгармоничности этих отношений [7].

В медиатексте терминальная аргументация в парадигме «жизнь-смерть» актуализирует вытесненные, либо замещенные значимые мотивы ценностно-нормативного ядра культуры. Сквозь открытое обращение к деструктивным мотивам и образам человек острее чувствует полноту жизни. Наблюдая за виртуальными картинками смерти, потребитель сопоставляет бытийные оппозиции созидания и разрушения, что вызывает у него, по замечанию А. В. Ульяновского, «не только живой отклик, но дает в конечном итоге чувство очень глубокого удовлетворения» [19, с. 37].

Человек в течение своей жизни множество раз осознанно или бессознательно переживает чувство смерти — увядание тела, истончение молодой энергии, исчезновение присутствующих ранее возможностей. И чем сильнее стремление и воля к жизни, тем ужаснее овладевающий страх смерти. Несмотря на то, что жизнь и смерть признаны антонимами (Эта жизнь хуже смерти; Жизнь надоучила, а к смерти не привыкнешь; Чем жить да век плакать, лучше спеть, да умереть), человек способен оценить и то, и другое лишь во взаимодействии. Смысл жизни и вечное ее движение постигаются через страдание и близость смерти. Человек, как опосредующее существо, гармонизирует свое бытие с помощью конструктов *жизнь* и *смерть*. Наличие последней толкает к вечному движению — нельзя стоять, надо жить. «Бояться смерти — так и победителем не быть» — утверждает русская поговорка.

В современной военной журналистике о событиях на Юго-Востоке Украины и в Сирии оценка подлинности жизни осуществляется через повествование о смерти. Показ мертвых тел, искусная иконическая вязь и монтаж провоцируют завроженность смертью, загипнотизированное ее видение: *«Безлюдный декабрьский Славяносербск, серые зимние деревья вдоль реки Северский Донец, там в деревьях — позиции украинской армии, откуда прилетает смерть»⁶; «Руины донецкого аэропорта после года ожесточенных боев»⁷ и др. Нейтральная, фактурная лексика реконструирует естественное пространство страха⁸, Ничто, смерти, мрака — «потусторонней страшной дыры» [12].*

АКТИВИЗАЦИЯ СТРАХА — ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ЗАХВАТА АУДИТОРИИ

В толковом словаре С. И. Ожегова страх описывается как очень сильный испуг или боязнь [36, с. 772]. Страх — это тягостное, мучительное душевное состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью и чувством бессилия перед ней [37, с. 645]. Слово имеет тесную этимологическую связь со словами из других языков, например: с литовским *stregti*, *stregiu* — «оцепенеть, превратиться в лед»; или латышским *stregele* — «сосулька». Сема «холод, небытие» сближает указанную лексему с латинским словом *strages*, которое в буквальном переводе обозначает «опустошение, поражение, повержение на землю» [18, с. 672].

Ю. Степанов отмечает, что внутренняя форма концепта страх вклю-

⁶ Известия. 2015. 13 янв.

⁷ Аргументы и факты. 2015. 12 мая.

⁸ Ср.: Ю. Друнина «Кто говорит, что на войне не страшно. Тот ничего не знает о войне» (1943. Я только раз видала рукопашный).

чает разные этимологии. Русская, старославянская и древнеславянская лексема *страх* содержит тот же корень, что и *страдать*, *страсть* (ср. «про эти места рассказывали страсти») [18, с. 895]. Противоречивые семы слов подчеркивают неоднозначность и глубину когнитивного поля *страх*. Так, конструкт поддерживается эмоциональным релевантом тоски (тоска как страх — стеснение и сжимание сердца, тревожное беспокойство). Тоска обращена к высшему миру, она питается чувством пустоты, ничтожества и тленности земного мира, невозможностью слияния с трансцендентным, необъятной бездной между жизнью и смертью — Ничто. Попытка увидеть свое будущее в модусе НЕ-бытия рождает страх — тоску. В религиозной философии тоска, как греховное чувство, отражает мысли о богооставленности, но именно поэтому в такой разновидности страха есть надежда, так как богоосознание пробудилось. Незвестный, животный, метафизический страх — тоска, связанный с пространством Ничто и обусловленный знанием человека о своей смертности — предмет пристального рассмотрения представителей экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.). М. Хайдеггер называл смерть «видом бытия», а тоску/тревогу — непременным условием подлинности человека, именно она раскрывает тайну того, что мы выброшены в этот мир, для того, чтобы в нем умереть [22].

Российская модель мира, концептуализируя сферу смерти и страха, предлагает следующие сценарные варианты развертывания: «страх — страдание — страсть — смерть» или «страх — ненависть — тоска — грех — искупление» [18]. В русском народе говорят: Смерть

ни на что не глядит, смерть со слепу лютует. Образы смерти в медиатекстах вызывают неподдельный ужас и связаны с чувством страха. У здорового человека смерть ассоциируется с чем-то отталкивающим, вызывающим отвращение и отрицание. Боязнь смерти способствовала появлению эвфемизмов, которые позволяют обозначать ее вариативно: «приказал долго жить», «уходить из жизни» и др. Жуткие итоги войны, показанные на ТВ-экране, представленные в печатном тексте, порождают испуг и кошмар: «Донецкий аэропорт накрыло запахом гниющих тел», «У них там смерть. Перед перемирием Дебальцево утопили в крови»⁹; «Выжженная земля... Кажется, что сам воздух в этом городе пропитан смертью, ненавистью и страхом. Взметнувшаяся от разрывов пыль оседает на лицах погибших. Кровавые лужи растекаются по асфальту. Десятки раненых — многих с оторванными руками и ногами — доставляют в переполненные больницы»¹⁰ и др.

Как ни парадоксально, языковая личность автора медиатекста реконструирует знакомый нарратив «в крови, страданиях, смерти» (Л. Н. Толстой): *Сообща, где торгуют смертью*¹¹; *Отрезанная рука*. <> *Ниже локтя одно кровавое месиво...*¹²; *Смертоносная операция краевой медицины*¹³; *Она отрезала девочке голову, затем подожгла квартиру и пошла к ближайшей станции метро*¹⁴ и др.

⁹ НТВ. Сегодня. 2015. 10 янв.

¹⁰ Нас убивают. Спец. репортаж «АиФ» из Донецка // Аргументы и факты. 2015. 30 янв.

¹¹ Забайкальский рабочий. 2016. № 212.

¹² Вечорка. 2016. № 44. С. 5.

¹³ Эффект. 2016. № 18. С. 3.

¹⁴ Российская газета. 2016. № 268. С. 6.

Конструкт «смерть» также активно используется в социальной и шоковой рекламе. Так, вместо позитивного «Сходи на балет с семьей...», слоган рекламы балета «Лебединое озеро» гласит «*Лебеди гибнут. Искусство бессмертно*». Несомненно, агрессивностью можно привлечь внимание потребителя, но покупать товар, который ассоциируется с отрицательными эмоциями, потребитель не будет. Хорошая репутация и негативный эмоциональный фон — вещи несовместимые. Что касается социальной рекламы, то попытка «испугать потребителя» (например, «*Курение убивает*») сродни предложению сыграть в русскую рулетку, и, как правило, вызывает обратный эффект, лишь подстегивая человека «вкусить запретный плод» балансируя на грани жизни и смерти. Чтобы добиться хотя бы неожиданности и асимметричности, активизирующей произвольное внимание человека, копирайтеру необходимо постоянно менять слоганы и ассоциативный ряд.

Смерть — критерий важный для обозначения специфики национальных представлений, **в российской модели мира категория «смерть» всегда была тем, к чему обязательно полагается смысл.** С одной стороны, смерть внеположена собственно культурному бытию и запредельна к нему, с другой стороны, она оказывает воздействие на кристаллизацию ценностей, делает осмысленным человеческое бытие, разворачивая его в разных аксиологических направлениях, но к единому концу. М. М. Бахтин писал, что смерть позволяет достать истинные смыслы с потустороннего мира в этот: для чего я живу?; все ли я сделал для любви к другим? [2]. «Мы вырастаем в меру смерти, вне — пребываем в мышинный рост», — замечает митрополит Антоний Сурожский [13, с. 85]. Осознание смерти

дает всем и всему подлинную жизнь, укореняет в вечном и незыблемом.

Примечательно, что современные медиатексты о войне на Украине не выпадают из классического нарратива, они практически лишены клипмейкерства (вырисовывания картинки по принципу «минимум сознания, максимум эмоций»). При анализе этого контента мы не обнаружили «пляски на чужих костях», равнодушие к умершим, что, по мнению журналиста Андрея Максимова, «является равнодушием и к живым тоже»¹⁵. Авторы многочисленных материалов предлагают осмысление ситуации через судьбы, лица, синхрон (Александр Рогаткин, Николай Долгачев, Евгений Поддубный, Евгений Решетнев, Станислав Назаров и др.).

Лейтмотивом общего медиатекста о войне становится духовная парадигма «Падения и Восстания» — традиционная для русского нарратива, утверждающего, что лишь «блаженный, благодатный плач» способствует «духовному смеху души» (*Лествица*). Медиагерои пропущены через горнило проверки войной, в которой резко обостряется борьба добра и зла. Классическая для русской литературы тема «душевного человека» выстраивает медиаповествование о тех или иных персонажах, включенных в войну и находящихся рядом с ней. Война образует перекресток духа и плоти, разрастается в таинственную область, где, по определению Д. Мережковского, «свершается борьба между зверем и Богом в человеке» [12, с. 79].

Дыханье смерти дает почувствовать себя Человеком, война обвенчанная со смертью, — самая верная точка отсчета в жизни и в этом ее

¹⁵ Бес смерти. Российская газета. 2015. 22 июня.

парадоксальный гуманизм. Возникает широкое проблемное поле для анализа места и роли человека: кто ты? — жертвенный, скорбящий, сострадающий или равнодушный, предающий, циничный слабый. На страницах «Аргументы и Факты» волонтер Виктор рассказывает, что он с болью смотрел, как в Донбассе убивают русских людей, «а точкой кипения стала смерть 4-летней девочки Софии. Тогда я понял, что не смогу остаться в стороне»¹⁶.

На грани жизни и смерти, в непрекращающейся ситуации страха, катастрофы и насилия люди многочисленных сюжетов погружены в нелегкий процесс ответа на смыслопорождающие вопросы: что есть добро и зло, грех и святость, что надо любить и во что верить. Так, в материале «Убийство Алексея Мозгового» представлена эпоха воинствующего романтизма самородков: «Их жизнь побежала, как ошпаренная крыса по трубам, время превратилось в ничто, друзья — в соратников или врагов. Их время спрессовалось настолько, что за один год они прожили целую жизнь»¹⁷.

Джозеф Рейнгольд интерпретировал страх смерти не как реакцию на бытие, а как некий комплекс инфантильных ответов [33]. Человек, который руководствуется разумом и желает людям добра, не боится смерти. А. В. Демичев заметил, что «для русского человека смерть — поражение; жизнь — игра с выбыванием» [8, с. 21]. Жизнь и смерть выступают между собой в отношении сопоставления, ужас смерти — следствие недостойной жизни, смерть, как лакмусовая бумага, проявляет духовные оттенки бытия человека, что и закреплено в паремиологическом

комплексе русского языка: Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти — бойся грехов; Неповинная душа не боится смерти; Жив, да не годеи, жив, да покойника не стоит. Память о смерти — чеховский «человек с золоточком», напоминающий о важном и приоритетном в жизни, чтобы не наступило позднее пробуждение, когда уже невозможно что-то очень важное усвоить, сказать, сделать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О. А. Ипанова предполагает, что русскому сознанию свойственно представление, что между жизнью и смертью есть некое малое пространство, попадать в которое очень опасно для человека [11, с. 368]. Апелляция к данным категориям требует особой ответственности от автора медиатекста, территория преломления конструктов жизнь и смерть имеет свои законы, табу и ограничения.

Объективация в медиатексте исконных моделей национального мировидения акцентирует сакральное значение смерти в отечественной культуре, дает возможность автору показать жизнь человека как возможность преодоления смерти. Одновременно позволяет потребителю медиатекста осознать смысл жизни, потеря которого, по меткому замечанию К. Юнга, — «душевная болезнь, еще не осознанная нашей эпохой во всем объеме и во всех последствиях» [31, р. 455]. Эффективная работа с конструктом «смерть» в пространстве медиатекста, подразумевающая активное привлечение аудиторного внимания и продуктивное воздействие на сознание, включает терминальную аргументацию автора — активный поиск смысла во взгляде на жизнь под углом смерти и на смерть под углом жизни. Если смерть есть, то «можно постараться быть» [13, с. 59].

¹⁶ Аргументы и факты. 2015. 28 нояб.

¹⁷ Взгляд. 2015. 25 мая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. — М. : Прогресс-Академия, 1992. — 426 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — СПб. : Азбука, 2000. — 336 с.
3. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительные исследования на материале английского и русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Н. Венедиктова. — Тюмень, 2004. — 19 с.
4. Глузман С. А. Ментальное пространство России / С. А. Глузман. — СПб. : Алетейя, 2010. — 332 с.
5. Гроф С. Человек перед лицом смерти : пер. с англ. / С. Гроф, Дж. Хэлифакс. — М. : Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. — 246 с.
6. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. — М. : Логос, 2000. — 224 с.
7. Демичев А. В. Тематичность смерти. Дискурсы и концепты / А. В. Демичев // Человек. — 2001. — № 2. — С. 158–171.
8. Демичев А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии : дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.13 / А. В. Демичев. — СПб., 1997. — 280 с.
9. Демичевские чтения : материалы юбилейн. междисциплин. межвуз. науч. конф. / сост. А. Н. Огарков, А. В. Рябов. — СПб. : Ин-т бизнеса и политики, 2011. — 152 с.
10. Идея смерти в российском менталитете : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. В. Хен. — СПб. : Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. — 304 с.
11. Ипанова О. А. Жизнь / О. А. Ипанова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Серника. — М. : Гнозис, 2007. — С. 356–370.
12. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. — М. : Республика, 1995. — 618 с.
13. Антоний Сурожский. Труды / Антоний, Митрополит Сурожский. — М. : Практика, 2002. — 1080 с.
14. Новикова Н. А. Концептуальная диада «жизнь — смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремииологии и афористике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Новикова. — Череповец, 2003. — 22 с.
15. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на пример эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 72–90.
16. Пономаренко О. В. Понятие лиминальности в лингвофилософской детерминации дипломатического дискурса [Электронный ресурс] / О. В. Пономаренко // Universum: Филология и искусствоведение. — 2014. — № 12 (14). — Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1819>.
17. Семиозис и культура. Философия и антропология разрыва (текст, сознание, код) : сб. науч. ст. / под ред. И. Е. Фадеевой, В. А. Сулимова. — Сыктывкар : Коми пед. ин-т, 2010. — Вып. 6. — 296 с.
18. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Акад. проект, 2004. — 992 с.
19. Ульяновский А. В. Реклама как работа со смыслами / А. В. Ульяновский // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения : материалы 55-го Международ. форума / отв. ред. С. Г. Корконосенко. — СПб. : Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2016. — Ч. 2. — С. 36–38.
20. Фрейд З. О психоанализе / З. Фрейд. — Минск. : Харвест, 2005. — 416 с.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М. : Республика, 1994. — 635 с.
22. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Ad Marginem, 1997. — 452 с.
23. Хейзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий) / Й. Хейзинга. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 352 с.
24. Ямпольский М. Б. Смерть в кино / М. Б. Ямпольский // Язык — тело — случай: кинематограф в поисках смысла. — М. : Нов. лит. обозрение, 2004. — 376 с.

25. Ariès Ph. *Images de l'homme devant la mort* / Philippe Ariès. — Paris : Seuil, 1983. — 280 s.
26. Baskakov V. *Body Magic/Energy and Character* / V. Baskakov // *The Journal of Biosynthesis*. — 1994. — Vol. 25, № 1. — P. 15–17.
27. Bell A. *The language of news media* / Allan Bell. — Oxford : Blackwell, 1991. — 417 p.
28. Freud S. *Formulation on the principles of mental functioning* // *Complete Works* / Sigmund Freud. — London : Hogarth Press, 1958. — Vol. 12. — P. 213–226.
29. Fromm E. *Anatomie der menschlichen destructiviat* / Erich Fromm. — Stuttgart ; Zurich, 1983. — 618 s.
30. Gorer G. *The people of Great Russia: a psychological study* / Geoffrey Gorer, John Rickman. — New York : W. W. Norton, 1950. — 65 p.
31. Jung C. G. *Gesammelte Werke* // *Olten und Freiburg im Breisgau* / Carl Gustav Jung. — 1987. — Bd. VII. — S. 445–455.
32. Rheingold J. *The fear of being a woman: a theory of maternal destructiveness* / Joseph C. Rheingold. — New York : Grune and Stratton, 1964. — 756 p.
33. Unnava H. Burnkrant. *Effects of repeating varied ad executions on brand name memory* / H. Rao Unnava, E. Robert // *Journal of Marketing Research*. — 1991. — № 11. — P. 45–58.
34. McLuhan M. *Understanding media: extensions of man* / Marshall McLuhan. — London : Routledge, 1994. — 199 p.
35. Zimbardo Ph. *The psychology of attitude change and social influence* / Philip G. Zimbardo, Michael R. Leippe. — New York : Mcgraw Hill, 1991. — 437 p.
36. Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
37. *Новая философская энциклопедия : в 4 т.* / под ред. В. С. Степина. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — Т. 3. — 692 с.

REFERENCES

1. Ariès Philippe. *L'Homme devant la mort*. Seuil, 1977. 420 s. (Russ. ed.: Ariès Philippe. *Chelovek pered litsom smerti*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 426 p.).
2. Bakhtin M. M. *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the Protagonist. To Philosophical Basics of Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 336 p.
3. Venediktova L. N. *Kontsept «voina» v yazykovoï kartine mira (sopostavitel'nye issledovaniya na materiale angliiskogo i russkogo yazyka)*. Avtoref. Kand. Diss. [The Concept War in the Linguistic View of the World (Comparative Studies of the English and Russian examples). Cand. Diss. Thesis]. Tyumen, 2004. 19 p.
4. Gluzman S. A. *Mental'noe prostranstvo Rossii* [Russia's Mental Space]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2010. 332 p.
5. Grof Stanislav, Halifax Joan. *The Human Encounter with Death*. New York, E. P. Dutton, 1978. (Russ. ed.: Grof Stanislav, Halifax Joan. *Chelovek pered litsom smerti*. Moscow, Transpersonal Institute Publ., 1996. 246 p.).
6. Debor G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 2000. 224 p.
7. Demichev A. V. *Topicality of Death. Discourses and Concepts*. *Chelovek = Man*, 2001, no. 2, pp. 158–171. (In Russian).
8. Demichev A. V. *Filosofskie i kul'turologicheskie osnovaniya sovremennoi tanatologii*. *Dokt. Diss.* [Philosophical and Cultural Basics of Modern Thanatology. Doct. Diss.]. Saint Petersburg, 1997. 280 p.
9. Ogarkov A. N., Ryabov A. V. (eds). *Demichevskie chteniya. Materialy yubileinoi mezhdistsiplinarnoi mezhevuzovskoi nauchnoi konferentsii* [Demichev Readings. The 10th Anniversary Interdisciplinary Conference Papers]. Saint Petersburg, Institute of Business and Politics Publ., 2011. 152 p.
10. Khen Yu. V. (ed.). *Ideya smerti v rossiiskom mentalitete* [The Concept of Death in the Russian Mentality]. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1999. 304 p.

11. Ipanova O. A. Life. In Karasik V. I., Sernik I. A. (eds). *Antologiya kontseptov* [A Concepts Anthology]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, pp. 356–370. (In Russian).
12. Merezhkovskii D. S. *Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputniky* [Tolstoy and Dostoevskiy. Eternal Companions]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 618 p.
13. Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation. *Trudy* [Scientific Works]. Moscow, Praktika Publ., 2002. 1080 p.
14. Novikova N. A. *Kontseptual'naya diada «zhizn' — smert'» i ee yazykovo voploshchenie v russkoi frazeologii, paremiologii i aforistike. Avtoref. Kand. Diss.* [The Conceptual Dyad of Life and Death and its Linguistic Representation in Russian Phraseology, Paramiology and Aphoristics. Cand. Diss. Thesis]. Cherepovets, 2003. 22 p.
15. Pimenova M. V. A Typology of Structural Elements of Inner World Concepts (Based on Concepts of Emotions). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 72–90. (In Russian).
16. Ponomarenko O. V. The Concept of Liminality in Linguo-philosophical Interpretation of Diplomatic Discourse. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie = Universum: Philology and Art History*, 2014, no. 12 (14). Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1819>. (In Russian).
17. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. (eds). *Semiozis i kul'tura. Filosofiya i antropologiya razryva (tekst, soznanie, kod)* [Semiosis and Culture. Philosophy and Anthropology of Disruption (the Text, Consciousness, the Code)]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Publ., 2010. Iss. 6. 296 p.
18. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. A Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p.
19. Ul'yanovskii A. V. Advertising as Working with Meanings. In Korkonosenko S. G. (ed.). *Vek informatsii. Media v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya. Materialy 55-go Mezhdunarodnogo foruma* [The Information Age. The Media in the Modern World. Saint-Petersburg Readings. Materials of the 55th International Forum]. Saint Petersburg, School of Journalism and Mass Communications Publ., 2016, pr. 2, pp. 36–38. (In Russian).
20. Freud Sigmund. *Über Psychoanalyse. Fünf vorlesungen gehalten zur 20jährigen gründungsfeier der Clark University in Worcester Mass. September 1909.* Leipzig und Wien, Franz Deutick, 1910. (Russ. ed.: Freud Sigmund. *O psikhoanalize*. Minsk, Kharvest Publ., 2005. 416 p.).
21. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1973. (Russ. ed.: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti*. Moscow, Respublika Publ., 1994. 635 p.).
22. Heidegger Martin. *Sein und Zeit*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1967. 450 s. (Russ. ed.: Heidegger Martin. *Bytie i vremya*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 452 p.).
23. Huizinga Johan. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens]. Moscow, EKS-MO-Press, 2001. 352 p.
24. Yampol'skii M. B. *Yazyk — telo — sluchai: kinematograf v poiskakh smysla*. [Language — the Body — a Scene: The Film Industry Looks for the Meaning]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 376 p.
25. Aries Philippe. *Images de l'homme devant la mort*. Paris, Seuil, 1983. 280 s.
26. Baskakov V. Body Magic/Energy and Character. *The Journal of Biosynthesis*, 1994, vol. 25, no. 1, pp. 15–17.
27. Bell Allan. *The Language of News Media*. Oxford, Blackwell, 1991. 417 p.
28. Freud S. Formulation on the principles of mental functioning. In Freud S. *Complete Works*. London, Hogarth Press, 1958, vol. 12, pp. 213–226.
29. Fromm E. *Anatomie der menschlichen destruktiviat*. Stuttgart-Zurich, 1983. 618 s.
30. Gorer Geoffrey, Rickman John. *The People of Great Russia: A psychological study*. New York, W. W. Norton, 1950. 65 p.
31. Jung Carl Gustav. *Gesammelte Werke*. In Jung Carl Gustav. *Olten und Freiburg im Breisgau*, 1987, bd. VII, ss. 445–455. (In German).
32. Rheingold Joseph C. *The Fear of Being a Woman: A Theory of Maternal Destructiveness*. New York, Grune and Stratton, 1964. 756 p.
33. Unnava H. Rao, Robert E. Effects of Repeating Varied Ad Executions on Brand Name Memory. *Journal of Marketing Research*, 1991, no. 11, pp. 45–58.

34. McLuhan Marshall. *Understanding Media: Extensions of Man*. London, Routledge, 1994. 199 p.

35. Zimbardo Philip, Leippe Michael R. *The psychology of attitude change and social influence*. New York, McGraw Hill, 1991. 437 p.

36. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.

37. Stepin V. S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. Vol. 3. 692 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ерофеева И. В. Смерть как терминальная аргументация современного медиатекста / И. В. Ерофеева // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6, № 1. — С. 77–90. — DOI : 10.17150/2308-6203.2017.6(1).77-90.

REFERENCE TO ARTICLE

Erofeeva I. V. Death as Terminal Argumentation of the Modern Media Text. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 77–90. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).77-90. (In Russian).